

Александр Владыкин

Тайны Иудейской пустыни

12+

Александр Владыкин

Тайны Иудейской пустыни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Владыкин А. Е.

Тайны Иудейской пустыни / А. Е. Владыкин — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1528-6

Не можно назвать пустым то, что переполнено чудесами, к чему стремятся люди, открывая для себя всё новые грани неизведанного. Пустыня - это фантастический мир нашей планеты, это непонятный мир внутри нас, пустыня - это тайная фобия человечества, и каждому нужно преодолеть страх, наступив на раскалённый песок. Пустыню мало знать, её нужно понимать и жить по её законам.

ISBN 978-5-5321-1528-6

© Владыкин А. Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Глава 1

А вы знаете, что, из давних времён, Иудейскую пустыню называли местом рождения демонов? Космонавты, каждый раз, пролетая над Израилем, отмечают странные явления на землях Иудеи. Это пространство загорается различными огнями, как светомузыка в диско-клубе, по всей пустыне пробегают всполохи, как будто кто-то сигнализирует в космос, передаёт какую-то информацию, непонятную учёным. Итак, было всегда, во все времена, ещё до появления людей.

Хроники монастыря Сент Джордж

Вечером пустыня оживала. Как только заходило солнце, и его жаркие лучи ещё скользили по земной поверхности, но тень прохлады, уже коснулась подножья скал монастыря, и открывался новый мир с «марсианскими» пейзажами и причудливыми миражами. Вдоль ослиной тропинки мелкие природные вихри подымали скопившуюся пыль к монашеским кельям, гнездившимся высоко над землёй, из незаметных щелей появлялись первые обитатели пустыни – Ящерицы, пауки, жуки-скарабеи. Вифен спускался из кельи вниз, чтобы покормить черепаху. Это было единственное существо, что его понимало, Вифен всё рассказывал своему любимцу. Друзей у него не было, а монахи были настолько стары, что их никак не можно было считать ровесниками. Многие из них не понимали диалекта арамейского языка, на котором разговаривал юноша. В монастыре люди не задерживались, одни умирали, другие шли дальше. Вифена и держали, наверное, для того, чтобы он хоронил ушедших к богу. Он был молод, имел силу копать яму, чтобы бросить в неё труп монаха или паломника, высушенный солнцем и ветром пустыни. Вифен никогда не задумывался об обрядах. Когда в монастыре были гости, монахи проводили над покойником молебны, не нарушая основного закона монастыря – покойников хоронили голыми, без гробов и крестов. Так было всегда, с момента образования этого монастыря. Вифен закапывал яму, чтобы, через три месяца, опять её раскопать, отобрать кости и бросить их в кучу, перемешав с останками прежних погребённых. Таков был закон, и никто не собирался его менять. – Одно и то же, из года в год. Надоело. Мальчишка пнул ногой, попавшийся на пути череп. Ценными считались мощи, а черепа, они были не нужны, ими брезговали даже грязные лисицы. Небо стало переливаться синими и ярко-красными красками. Это была аномалия для пустыни – северное сияние. Мальчик это не знал. Потом поднялся ветер и в небе загрохотало, небо затянуло тучами, стали сверкать молнии и пошёл дождь, только вместо воды были змеи, лягушки и тритоны. Обезумевшие монахи прыгали со скал с именем бога. – Опять завтра предстоит рыть ямы, – подумал мальчуган. Он так и не дошёл до убежища черепахи, выронив кусочки вяленого мяса, припасённые для пустынного друга. Мальчика звали Варфоломей, так записано в монастырской книге. Его привезли в пелёнках, и оставили у входа монастыря. С тех пор прошло одиннадцать лет, сменился уже не один состав монахов, был почти забыт арамейский язык, мальчик, так и не смог выговорить своё полное имя, так и остался Вифеном. Менялись цари, настоятели, монахи, проносились, как смерчи армии персов, сарацин, египтян, рушились города, страны, империи, а монастырь оставался стоять на краю пустыни и в нём всегда был Вифен.

– Вы знаете, как тяжело получить разрешение на раскопки в действующих монастырях. Везде задают один и тот же идиотский вопрос: – А что вы пытаетесь найти? Если бы мы знали, какие загадки способна загадать нам история? И чем дальше от крупных городов, тем загадочнее. Все религиозные конфессии тяготеют к крупным городам и полны различных исторических событий, кажется, что вся история в них построена на крови. Одни крестовые походы чего стоят. Монастыри – это отдельная тема, они настолько удалены от цивилизации, и в них, во все времена, лишений больше, чем богатства. Что вы пытаетесь найти в монастырях? Сюда, даже паломники стараются не заходить, редкие туристы щёлкают фотоаппаратами, делают селфи, и стараются быстрее убраться прочь, сверяясь, постоянно, по времени, с расписанием проходящих автобусов. Какой гид сможет выдержать пару часов под беспощадным пустынным солн-

цем и ветром, несущим колючий сухой песок? Даже не верится, что в этих местах когда-то могли существовать люди: без воды, без еды, без огня. Монастыри и в наши времена считаются действенными, в некоторых из них по 1-2 монаха, меняющихся вахтовым методом, зачастую, они же настоятели и хранители редких артефактов и гробниц. При появлении посетителей: туристов и редких паломников, они проявляют максимум приветствия, и стараются напоить всех чуть солоноватым пустынным чаем из привозной бутилированной воды. В монастырях всегда в запасе есть стебли сухой пустынной жёсткой травы, похожей на саксаул, это как раз, для чайной церемонии. В откровенные разговоры эти монахи идут с неохотой, но увидев щедрость вашего подаяния в коробке для даров, на поддержание монастыря, они вспоминают даже английский язык вместе с арабским. В пустынях, в отличие от городов преобладает странный непонятный суржик, но стоит вам задержаться на пару недель, и вы переходите сами на этот пустынный язык, не замечая слов, чуждых для английского языка. На этот раз, у нас всё получилось, и несмотря на то, что документы на раскопки пришлось собирать в столицах трёх государств, претендующих на сюзеренное право на территорию монастыря, мы на вполне законном основании, разбили лагерь возле этого скального средневекового убежища. Нас только просили, не мешать верующим и туристическим потокам, максимально отгораживая место раскопок. Я конечно хитрил, пользуясь документами географических обществ и исторических центров различных стран, как прикрытием. Экспедиция имела частный характер, деньги были получены под конкретное задание, и я знал свою цель, я знал, что искал. Риск конечно был, риск существует в любом предпринимательстве, наша задача была свести его к минимуму. Я знал даже больше того, что написано в документах, я знал, что в результатах моей экспедиции заинтересованы не конкретные лица, а конкретные государства, всё— таки, судя по щедрости финансирования это был секретный международный проект. Людей к экспедиции было привлечено минимум, каждый имел свою скрытую историю и был проверен спецслужбами, и не раз. Это были универсальные специалисты экстрас— класса. Мне запрещено было вести какие—либо документы, делать записи и интересоваться биографиями подконтрольных мне людей. Я даже не знал, что они умеют, на что способны. Мне было отказано в медике и поваре. Зато выделили микроавтобус «Мерседес», забитый до отказа лекарством и всякой всячиной, с кондиционером и вместительным холодильником, с морозильной камерой, в котором хранились ампулы с противоядиями от змей и пауков. Я радовался, что мне оставили моего шофёра, с которым мы исколесили пол мира и выпутывались из таких ситуаций, что лучше не вспоминать. Вагиф закончил обследование транспортного средства. — Шеф! Это не автобус, а русская печь. Это, в лице моего шофёра, была наивысшая степень похвалы организаторам экспедиции. По мнению Вагифа, в русской печи можно найти всё — и поесть, и попить, и женщину. А, вот, русская баня у него ассоциировалась с вселенским кошмаром. Не зря эти «медведи» друг друга в баню посылают. Вагиф в автобусе нашёл всё, для приготовления пищи, даже половник и котелок на десять человек. Правда, я не знал, каков полный состав моей экспедиции, Каждый прибывший, должен иметь специальный жетон, по форме, напоминающий чёрную метку пиратов и всё. А ещё я знал, что мы не первые на этом маршруте, мне дали целый месяц подготовки, любезно раскрыв двери секретных архивов, из которых ты мог вынести только собственные мозги и то, во временное пользование. Шофёр занялся подготовкой к приготовлению пищи, я помог ему поймать несколько змей и загнать в ловушку кролика с ушастым ёжиком. Он цокал языком, собирая какой — то пустынный мох, больше похожий на раскрошившуюся силиконовую губку, под чахлыми кустарниками и выискивая какой-то особый вид ящериц. Я полностью доверял кулинарным способностям товарища. Кто не пробовал змеиный супчик, тот не знает, чем пахнет смерть. А, Вагиф, даже в пустыне мог шурпу сварить из ничего, из того, что бегаёт под ногами. Мы не стали в первый день устанавливать палатки, нашли место для ночлега в автобусе. В три часа ночи кто-то постучал в окно, и предъявил пропуск. Это был первый мой подчинённый, добравшийся до монастыря. Сон в автобусе он проигнорировал, в считан-

ные секунды забрался почти на отвесную скалу и застыл в позе лотоса, как мумия. Больше нас никто не будил. Утром, возле автобуса я насчитал шесть человек, цыганок, у всех были метки и мне показалось, что они из одного табора. Цыганки, со своими экзотическими нарядами, внесли свой особенный колорит в состав нашей экспедиции, и мы скорее были похожи на артистов театра или «Шапито», чем на группу учёных – археологов. По тропинке, со стороны города появилось стадо ослов, возглавляемое огромным вонючим козлом. Оно шло чинно, как на параде, в такт выстукивая какую-то знакомую мелодию, своими грязными копытами. Они явно направлялись в нашу сторону. Вагиф смотрел на это явление дикими глазами: – Клянусь Аллахом! Эта скотина марш славянки играет. Точно. Я вспомнил. Во рту козла между зубами был зажат жетон, и понимай, как хочешь. Прибывшие оживились: – Заклинатель! Им стало весело, а я, как идиот, смотрел на козла, никакого заклинателя не видел, и уже думал принимать нового члена на довольствие. Когда из-за стада, поднявшего пыльную завесу, на пригорок выехал велосипед, управляемый бородачом, похожим на индуса, с приклеенной точкой на лбу. За его спиной сидела кукла. – Ух ты! Заклинатель с Умой! Кукла, наверное, была более популярна, чем сам Заклинатель. Заклинатель подошёл ко мне, подал метку своей подруги: – Ты начальник экспедиции? Организаторы передали тебе стадо, для обеспечения перевозки грузов. – Блин! Чем я их кормить буду? Они, там что, сдурели все? Прибывшие почувствовали забаву, не скрывая усмешки, а козёл, гад, стал тянуться к моему уху. У Вагифа появилась третья нога, он сидел на водительском сиденье и что-то шептал на ухо Уме: – Бе – бе – бе – бе. Козёл, наконец, от меня отвязался и пошёл помогать Вагифу. Я не понял. – Эти животные, её почти уговорили. Я посмотрел в глаза заклинателю, и боковым зрением, увидел куклу, сидящую на прежнем месте, за спиной индуса, а Вагиф превратился в русалку, и плавал в песке, а козёл летал в воздухе и разбрасывал красные розы. Я даже успел почувствовать их запах. Я моргнул, чихнул и всё пропало. Нет, велосипед с индусом и Умой были на месте, козёл, вместе с розами растаял в воздухе, а вместо стада ослов – был мой шофер и один из дежурных монахов, хорошо, хоть туристов и паломников не было. – У, заклинатель, вражина, блин! – Шеф! Это не я. Честное слово не я! – А кто? – Это всё она. Заклинатель показал на куклу, которая демонстративно отвернулась, как будто это её не касается. Мы ещё прождали два дня, я придерживался графика работ, данного мне моими нанимателями. Мы уже собрались уходить, чтобы разбить лагерь на новом месте, указанном на карте, когда на тропинке показался ещё один осёл. – Но это уже чересчур, это не смешно. Заклинатель посмотрел на Уму, она развела руками. На осле сидел горбун, похожий на маленького Мука и одновременно, на злого гоблина из сказки. – Проводник, – представился прибывший и протянул метку. Это был последний член нашей команды. Я подвёл итоги. Нас оказался маленький перебор: – двенадцать человек и один осёл, я мысленно пересчитывал всю новоявленную команду. Я с Вагифом, Йог, шесть цыганок, Заклинатель с Умой и гoblin с ослом. Заклинатель заметил, что я пытаюсь пересчитать подчинённых, решил мне помочь. Как он считает, блин, не двенадцать человек получается, а одиннадцать, кого-то не хватает или кто-то лишний. Вскоре все подключились к пересчёту. Лучше всех подбил баланс Вагиф. У него тоже получилось одиннадцать человек и два осла – он и я. Тут уже не выдержали все, ржал даже осёл. Мы наконец тронулись и к вечеру были на месте. Цыганки поставили табор отдельно, разожгли костёр и пригласили желающих на гадание. Желающих не оказалось, я в уме подсчитывал смету, Вагиф сказал, что в автобусе бензина не хватает и нужно пополнить запас сухого спирта. Монастырь остался в стороне, далеко в стороне, по графику поисков, мы ещё должны были возвратиться к нему, через пять дней. А с утра, вся команда в рассыпную, инструктаж не надо проводить, каждый из команды знает, что надо искать. А Вагиф живёт по принципу: меньше знаешь, лучше спишь. Хорошая, правильная философия! В нашем деле можно расплатиться жизнью за одно неудачно оброненное слово. Подгонять никого не нужно. Когда я проснулся в палатке, с первыми лучами солнца, лагерь был уже пуст. Вечером собрались все, не было двух цыганок, может заблудились? Пустыня она

такая – бескрайняя! Но, ближе к полуночи, оставшиеся цыганки забили тревогу. Объединенные пустынным зверьём трупы девушек мы нашли на третий день наших поисков. Цыганки попросили всех вернуться в лагерь, чтобы мы, случайно не затоптали следы и не мешали провести ритуал, забрали только гоблина, вернее – горбун руководил ими. Всё это было за пределами моих полномочий, меня пообещали поставить в известность, если будет, хоть какой результат. Специально оповещать меня о ходе расследования никто не собирался. Жалко девочек, это было только начало экспедиции. Но каждый из нас знал на что шёл, а для некоторых, это была не первая экспедиция. Я вспоминал архивные документы: с четвёртого века нашей эры известен этот маршрут, по которому мы идём. Ни одна из экспедиций не добралась, ни сарацины, не мамлюки, ни рыцари, не римляне. Дальше всех смогли пройти немецкие учёные из Аненербе, но тоже все погибли. В архиве были собраны все свидетельства смертей участников этих походов, для изучения. На ошибках учатся, я давно понял, почему ни одно государство не берёт на себя ответственность за проведение этой экспедиции. Мы, фактически, подписали договор со смертью, и если даже у тебя будет шанс спастись, то нет никакой уверенности, что тебя не убьют свои. Один солдат из римлян, кричал: – Я нашёл это! Но стрела, выпущенная из воинского лагеря, поразила его, он захлебнулся в собственной крови быстрее, чем до него добежал ближайший соплеменник. И этому римлянину, считай повезло. В этот же день, случилась песчаная буря и оружие пустынь убило всех, выпив из солдат кровь. Сухие тела, вместе с щитами были отправлены в Италию, но шторм, разыгравшийся в Средиземном море, не пощадил не героев, ни корабли. Вы уже, наверное, догадались о цели нашей экспедиции, мы искали мифологическое оружие пустынь, только оно тщательно охранялось и иногда находило своё применение в тайне от всего мира.

Дольше всех в монастыре продержался алхимик. Кем он был из какого народа? Не знал даже Вифен. Алхимик не имел имени, он не имел ничего, даже сандалий. Отпечаток от медного обруча раба, чернел на его загорелой шее. Алхимика Вифен нашёл в пустыне, тот, из последних сил отбивался от ястреба, пытающего отщипнуть кусочек мяса от плоти брошенного раба. Вифен видел, как вечером прошёл караван верблюдов из Египта. В этих местах только египтяне могли приручить и использовать этих гордых животных. Раб умирал, без пищи и воды. Вифен приволок его в кельи, он был даже легче старых монахов. Первое время он пил одну воду, которую Вифен собирал со скал. Не верьте тому, что в пустыне нет воды. В пустыне много воды, а под песками, целое пресноводное море. Рано, по утрам, вода выходит на поверхность, в виде росы, и её надо успеть собрать, на перегонки с ящерицами, черепаками и всем пустынным зверьём. На сбор воды, природой дано мало времени, ветер высушивал поверхность раньше, чем взойдёт солнце. Воду нужно собирать, когда ещё темно и на небе не успели погаснуть звёзды. Вода конденсировалась на скалах и тонким ручейком стекала по жёлобу вниз, в каменную чашу. Каждое утро Вифен собирал воду, оставляя часть добычи пустынным лягушкам и змеям. На этот период работал закон нейтралитета и отменялась всяческая охота, все терпеливо ждали, когда мальчик наберёт медный кувшин, инкрустированный серебром, потом к источнику стремились лягушки и ушастые ёжики, немного погодя, их оттуда выгоняли змеи, самая ленивая, любящая поспать, последней, появлялась черепаха. Ей воды не доставалось. Мальчик делился со своим другом, наливая ей немного из своего кувшина. Появление черепахи всегда связывалось с каким-то оживлением в животном мире, кончался нейтралитет, а черепаха была хулиганка, она каждое утро кусала полоза за хвост, умело подставляя свой панцирь. Полоз, одним из последних пил воду, он пытался обороняться от этого вредного бронированного чудовища, потом исчезал в расщелинах скал. Мальчик находил в карманах сухую саранчу или маленькие кусочки вяленого мяса для друга. Черепаха всегда ожидала гостинцы. Лягушки зарывались в песок. Вифен никогда не видел, как они охотятся. Алхимик говорил, что лягушкам не надо гоняться за едой, достаточно освободить голову из песка, как еда сама

прыгает к ним в рот. Лягушки были всеядны, а их язык был самой лучшей сетью, придуманной природой. Знаете, какое самое большое зло в пустыне, которого боятся все звери, птицы и люди. Ни за что не догадаетесь – это злые пустынные муравьи. Они не любят влажных мест и для остального животного мира, водопой превращался в зону отдыха от этой напасти. От муравьёв не было покоя никому. У египтян считалось самой зверской пыткой оставить связанного врага на муравейнике и наслаждаться его предсмертными криками, почти до самого утра, потому что утром уже кричать было некому. Злые, вечно голодные муравьи съедали человека в течение суток. Алхимик рассказывал, под утро, на месте казни, от человека оставались лишь белеющие кости и зеркально чистый череп. Муравьи жили в скале монастыря и были извечной проблемой для монахов, которые любое недружелюбие по отношению к себе, воспринимали с покорностью и завидной стойкостью и смелостью, философски видя в любом испытании для судьбы, волю бога. Но не муравьи! Выдержанные по жизни монахи, не выдерживая укусов, вскакивали по ночам с ругательствами, которые были сладостным подарком для нечистого, чтобы поутру, замолить свои грехи, ругая себя за несдержанность и слабость тлена человеческого. Алхимика сам бог послал, вложив в его голову знания, как бороться с этой кусачей напастью.

Глава 2

Алхимик знал арамейский, тяжелее было угадать язык, которого не знал этот раб, тяжелее было назвать ту страну, где он не был. Алхимик научил Вифена арамейскому письму, сам настрогал калам из твёрдого дерева и научил мальчика делать ровные дощечки, покрытые воском, приготовил растворы для того, чтобы воск становился твёрдым, как камень и показал Вифену, как, и в какой пропорции ими пользоваться. После обработки химическим раствором, восковая дощечка приобретала прочность камня (В будущем это назовут пластик) и запись, выполненная на этом, немудрёном рыхлом материале, передавала информацию, занесённую на дощечке, на века. Это гораздо было надёжней, чем китайская желтеющая и рассыпающаяся от времени – бумага, чем сгнивающий и усыхающий пергамент из шкур или хрупкий, и почти невесомый, египетский папирус, превращающийся в едкую пыль. Алхимик научил из чего можно было сделать кислоту, отпугивающую муравьёв. В пустыне часто гремело, опять прошла армия персов, они обремененные большими скопищами животных, выполняющих роль тягловой силы, и которые сами были орудиями войны, старались не долго оставаться в пределах пустыни. Животные и люди любят воду, очень много воды, и тех и других надо было кормить. А пустыня скрывала свои резервы для иноземцев, в песках пустынь много золота, других ценных металлов, чужие иногда находили готовые изделия, но для них навсегда осталось тайной технология их приготовления, в местах, где ювелирное мастерство казалось было не подвластно мелким полудиким племенам, говорящих на разных непонятных языках. Персы считали эти изделия, отдалённой египетской технологией, случайно попавшие на эту бедную никому не нужную землю. Надо отдать должное местным жителям, они хоть и говорили на разных языках, верили в различные божества, но даже умирая под пытками, не взрослые, не дети, не выдали местоположение монастыря. В тяжёлые времена этот маленький скалистый островок пустыни мог в себя вместить целые народы, скрывая от войн генофонд нации. Между собой народы не всегда жили дружно, даже совсем не дружно, но как при водной церемонии у животных, на время грозящей общей опасности, в монастыре соблюдался нейтралитет, негласное перемирие перед лицом смерти. Алхимик любил повторять одну из древнеримских притч про двух военных начальников, приговорённых сенатом к мучительной смертной казни за преступления перед империей. Их на следующее утро должны были казнить, но они до последнего спорили между собой, кто из них лучший в овладении боевыми искусствами. Эти стратегии долгое время были символами глупости и непримиримости. Детали этой притчи скрыты историей, но общий смысл понятен: перед тенью виселицы, лучше любой горький мир, чем сладкая вражда. На этот раз гром с молниями прошёл стороной, зацепив только край Иудей-

ской пустыни ближе к поселению Иерихон. Но этого хватило, чтобы лишить армию персов основного преимущества в битве, на этом маленьком клочке пустыни, которую даже землёй назвать нельзя, от гнева богов, погибли все слоны войска и большая часть лошадей и буйволов, вместе со стенобитными и осадными орудиями. Дальнейший поход на Египет был лишён смысла. И то, что готовилось годами, порой десятилетиями, разрушилось в течении нескольких минут, здесь, на краю Иудейской пустыни, оставив минимум свидетелей. На старинных персидских картах есть неточное изображение пустыни с ориентирами на города, оазисы и направления торговых путей, но нет ни одного монастыря или тайного убежища. Историки спорят до сих пор о принадлежности этих земель, ссылаясь на исторические события, при тщательном обследовании которых, они больше похожи на творчество Гомера, мифы про Колхиду и золотое руно. Во всех исторических документах есть упоминание об отправке многотысячной персидской армии, через земли арамейцев на Египет, но нет ни одного источника о сражениях и подвигах народа персов. Есть только короткое сообщение, о возвращении ополовиненного войска, без комментариев и объяснений. В старые времена никто не писал мемуаров, оправдывая перед историей свои ошибки, достаточно было короткого, но честного ответа – я проиграл. И этих поражений без войны, в истории было больше, чем побед. Вифен хорошо помнил тот день, когда Алхимик ушёл в пустыню на место гибели слонов. Назад в монастырь учитель не возвратился. Опять Вифен остался один. Он долго искал Алхимика, но без результатов, он не нашёл даже следов учёного, только кем-то выжженную почву с оплавленными камнями. Это было странное пустынное стекло с режущимися кромками твёрдой, закалённой неизвестным мастером, поверхности, только об этом мальчик не знал, он даже не догадывался, где и как можно применить эти острые, сверкающие на солнце, камни. По разумению жителя пустыни, они были абсолютно бесполезны и Вифен следил лишь за тем, чтобы не наступить на них и не поранить ноги. Беда не приходит одна, вместе с учителем пропала черепаха, в один день Вифен лишился двух друзей. Мальчик нашёл обезображенный панцирь друга со следами зубов пустынного волка, или лисицы, но легче от этого не стало. Он остался один на один с пустыней. Вифен, монастырь и пустыня, Вифен и восковые дощечки. И тогда мальчик решил записывать все неординарное, что происходит в пустыне перед его глазами. И это он делал до конца своей жизни. С этой поры Вифена не стало, а было – житие святого Варфоломея. Мы, как раз, и искали эти таблички, написанные монахом, они, как ничто, являлись лучшим свидетельством наличия исторических артефактов, связанных с оружием пустынь. Мне хотелось вернуться назад, под покров монастыря, подальше от этих непонятных преследователей, этих убийц женщин, этого кошмара пустыни, который не подчиняется течению времени. Ведь всё уже было, там, в архиве. – Ганс! Я нашел ещё один танк Panzer vi Tiger, все так же, как всегда, метал оплавлен, а внутри сгоревшие трупы, они рассыпаются, как папиросный пепел, при малейшем прикосновении или случайном колебании воздуха. Ганс, я уже не знаю, что писать в отчёте. Конечно, по номеру изделия, при тщательном анализе, можно найти военнотружущих, кому принадлежит этот прах, но это не приближает нас к решению поставленной перед группой задачей. Ганс? Ганс? О боже мой! Только не это! Этот проволочный диктофон ещё хранил живой голос солдата, но не каких следов его убийцы, даже намёков на то, кто его убил. Что ты успел увидеть перед смертью, Шульц? Что стало с твоим напарником Гансом, и где это было, в какой части пустыни ты видел эти обезображенные тяжёлые немецкие танки? И как, и откуда, этот диктофон попал в архив? Сплошные вопросы, блин. Пустыня умела прятать и хранить свои секреты. В палатку зашёл горбун – «глава расследования убийства цыганок». – Беда! Бонифаций Иванович. Горбун был единственным из состава нашей многонациональной экспедиции, кто мог, не запинаясь и без ошибок, выговорить моё полное имя. Остальные называли шефом, боссом – попроще и покороче, и только Вагиф называл меня Боня. Я не возражал – так называла меня мама и половина Одессы, в которой я имел несчастье родиться. Что девочек убили, это всем и без расследования ясно было. Проводник сказал, что перед смер-

тью их пытали, притом применена была изощрённая средневековая долгоиграющая казнь, при которой и захочешь, что скрыть, но не сможешь. Я не стал вдаваться в подробности, горбун коротко сказал, как девушек лишили зрения с помощью сухого песка, перемешанного с дроблённым ракушечником. Я в отличии от маркиза де Сада, не собираюсь писать пособие для палачей, но то, что мне рассказал Проводник дало ясную картину тех извергов, с которыми мы имеем дело. Если девушки в момент работы палачей сошли с ума, тогда им повезло, но никогда не надо недооценивать врага. Проводник дал мне понять, что для врага секретов нет, он всё знает о нашей экспедиции. Но, чёрт побери! У нас всё же не военная, а гуманитарная миссия. У нас даже оружия нет! Ага, Боня, ты кому это доказывать собрался? Одно направление поиска и сам маршрут, уже о многом говорят. А оружие, Боня? Каждый член твоей экспедиции, кем бы он не числился по документам, сам по себе был оружием. Одна эта симпатичная лилипутка, могла жителей любого городка утопить, как крыс в Мёртвом море превратив их в соляные столбы. Ума, блин! Я три дня не мог отделаться от этого ослиного «Марша славянки». Закрою глаза, и ... Мы уже вторую неделю в пустыне, имеем два трупа в морге ближайшего города, имеем неприятности с полицией, которая своими вызовами для дачи свидетельских показаний, не даёт нам работать, абсолютно, отсутствие информации: кому это нужно? Я даже представления не имел – кто наш враг и как он выглядит? Блин! И в архиве ничего. Да, люди умирали, людей убили во всех экспедициях, но, как – будто так и нужно. Документы, подтверждали факт смерти, не раскрывая секретов пустынь. Знаете, как-то становится не по себе, когда предлагают возглавить экспедицию, за хорошие деньги, ничего не скрывая, рассказывая наперёд об ожидаемых трудностях, раскрывая перед тобой двери секретного архива, где почти в каждом документе сидит какая-то злючка и шепчет: – Откажись, откажись! Убеги, спрячься. Подробности человеческих смертей описаны так реально в архивных документах, что ты эту экспедицию уже начинаешь воспринимать не как возможность доказательства исторического факта, а как пари с самой костлявой. Кто? Кто придумал этот маршрут? Какие границы нельзя переступать? Кто стоит по ту сторону человеческого любопытства? Я старался поставить себя на место наших оппонентов. И ужаснулся. Казалось бы, человечество уже успело совершить все открытия, обнуляющие цивилизацию и, в крайнем случае, перемещая небольшие группы выживших людей, в каменный век. Зачем правители мира сего, каждый раз возвращаются, именно, к этому оружию? Какая тайна заключена в нём? Я реалист. Никто не будет платить бешенные деньги за то, что не нужно, даже археологам, отрывая их из бюджетов своих стран. Но чем дальше мы перемещались по маршруту, тем больше возрастало сопротивление неприятеля, грозя закрыть раз и навсегда этот археологический проект.

Хроники лавры преподобного Саввы Освященного

Это была вторая точка в маршруте нашего передвижения. Я был по документам начальником экспедиции, имеющий мировое имя и всевозможные регалии, хотя никогда к археологии не имел касание. В действительности всеми нами руководил Проводник, он давал указания и говорил, что надо делать, в том или ином месте. К сожалению, проводник тоже не имел отношение к археологии, поэтому, когда в нашей жизни появляются умные и чересчур умные, отправляют ко мне, а в особых случаях, когда член многих географических и исторических обществ – Иванов Б.И, не отличающий мезозой от палеозоя, на выручку приходили заклинатель с Умой, и тогда для любителей задавать сложные и каверзные вопросы наступали тяжёлые времена. Ума была тайной меломанкой, и наизусть знала множество концертов известных композиторов. Блин! Её метод воздействия на людей напоминал самоучитель для юных дарований. Прослушав за день, несколько раз концерт Брамса или Чайковского, ты невольно начинаешь ненавидеть не только музыку, но нервно реагировать на любые звуковые колебания. – Сама дебильная и приколы у неё дебильные. Шопен в юбке! Представь, на высоте 24-этажного офиса, спецназ проводит учения, по освобождению заложников. Надо отдать должное организаторам этих учений, что у них – всё, как в цирке: армия дорожит жизнями солдат. Мне о

этом случае рассказал горбун, он же и подсказал лекарство от славянского марша. Солдаты слаженно перебегали по тонким рельсам, похожим снизу на волосинки, карабкались по трапециям, зависали на канатах вниз головой, всеми участками тела разбивали препятствия, и основной изюминкой учений было пройти по натянутому канату между двумя небоскрёбами, и чтобы, ни в коем случае, не сорваться (Хотя, к каждому солдату были прикреплены страховочные тросики). Учения были командные, команде дозволено было помогать друг другу. Это в спецназе называется взаимовыручкой. Нервное напряжение в учениях, достигло своего апогея, солдаты один за одним двигались по тросу, старались выдерживать такт и не допустить общей разбалансированности. Да! Но на тщательно подобранный тренажёр, для проведения этих учений, принесло эту. Никто не знает, что ей было нужно. Уме показалось это не правильным, и в действии солдат не хватает рока и немного Баха. Блин! Вы, когда последний раз видели ёлочные гирлянды? Горбун говорил, что солдаты, повисшие на спасательных тросах между двумя самыми высокими многоэтажками города, больше всего, напоминали Проводнику эти украшения детского праздника; солдаты, вместе со спасателями, пытавшимися их опустить, провисели до самого утра, пока не прилетел вертолёт и Ума не покинула город. И этой каракатице всё сходит с рук. Руководитель закрытого проекта, в котором находится подразделение Умы, даже объяснять ничего не стал: – У вас свои учения, а у нас свои! А то, что она своей музыкой вычеркнула два подготовленных подразделения с пятилетним сроком тренировок, это не в счёт! Бедные комиссованные военнослужащие, в своих квартирах, даже боялись в туалет пройти без страховки, держатся за стеночку, и не дай бог, в этот момент, кто-то нажмёт кнопку дверного звонка! Меня всегда удивлял этот тандем, я так до конца и не смог понять, какую роль выполнял заклинатель, но что они вдвоём выполняли такие вещи, которые нормальным людям и в голову прийти не могут! Бедуины называли Уму – Шайтанкыз, было у них какое-то божество из тёмного мира. Вокруг монастырей было много стихийно вырастающих арабских поселений, они не были стабильны, их строение, скорее напоминало лагерь скифов, только вместо кибиток, арабы пользовались, преимущественно армейскими палатками. Рядом с каждой палаткой курился дым, а на каменных полукруглых печах всегда стоял чайник, даже тогда, когда женщины пекли пресные арабские лепёшки, прямо на стенах этой печи. При первом взгляде на это самобытное творчество, сразу перед глазами встаёт печка из русских сказок, плюющаяся горелыми пирожками: – Итак сойдёт! У этих арабов всё непривычно, всё временно, как жизнь, и всё, что создал Аллах. Мы иногда покупали сыр в этих передвижных селениях. Арабы тоже жили по какому-то маршруту: сегодня – под боком у лагеря, а утром, вместо села – голое место. Торговали сыром мужчины, они же и угощали чаем. Какая торговля без чая? – Муса, а как было раньше, когда не было чая? – Как это не было? Чай был всегда. Аллах создал чай, а потом людей, чтобы его пили. И ему не докажешь, что чай завезли из Китая. У него на все жизненные вопросы был свой готовый ответ. Чай – это спутник каждого истинного мусульманина. Подошёл Проводник, одетый в арабский бурнус, скрывающий его горб. Он зацепился за конец нашего разговора с торговцем сыром: – Муса! Чай к нам привезли из Китая. Араб плохо знал английский, Проводника он называл, при дословном переводе с арабского, человек-копыто. Вывести араба из себя было очень тяжело, он тут же спрашивал: – Человек-копыто, это тебе шайтанкыз сказала? На следующий день, по указанию горбатого, мы перенесли лагерь поближе к реке Иордан, и началась обыкновенная работа археологов, у цыганок нашлось даже пара аквалангов, необходимых для взятия проб в реке. Целых два дня мы работали, Вагиф не успевал перевозить пробы в город. На третий день йог что-то почувствовал и цыганки запаниковали. Он честно сказал, впервые назвав противника чужими, что умрёт мужчина нашего лагеря, чужие тоже понесут потерю, один из вечных будет ранен и тоже скончается от ран. Больше йог ничего не сказал, он не назвал ни имён не примет, он не смог описать, как выглядят эти чужие. По его словам, они были такие, как мы. Он это сказал в трансе, при помощи Умы. Всё случилось так, как предположил предсказатель.

Вагиф был третьим погибшим из нашего лагеря. Чужие убили его в кабине автобуса, когда он возвращался из города в лагерь. Недалеко от перекинувшегося «Мерседеса» мы нашли много жёлтой жидкости с запахом крови. Проводник взял пробу для анализа, и вместе с отчётом и фотоснимками, сам повёз её в город на своём ослике. Бедуины, пользуясь слабостью местных властей и полной бесконтрольностью, по отношению к туристам, частенько нападали за пределами города на странников. Но два существа – шайтанкыз и человек-копыто, внушали панический страх народу пустыни. На горбуна были совершены попытки пленения. Разбойники мечтали получить выкуп. Только выкупать пришлось обезглавленные трупы разбойников. Родственники клялись вендеттой на похоронах, посыпая лицо и голову пеплом, но на следующее утро, после похорон, все убрались подальше от этого места, и это было правильное решение. Я не знаю откуда появился этот проводник, но мне кажется, что Микеланджело срисовывал дьявола на своих знаменитых фресках, именно с него. Этот горбатый мог двоиться, троиться, в одно и то же время находиться в нескольких местах, в разных мирах. И это Проводник считал правильным и удивлялся, что мы не можем этого.

Глава 3

Пошёл обратный отсчёт. Уже нет двух цыганок, Вагифа, сегодня кто-то отравил осла, используя наши же медикаменты из автобуса. Горбатый, как предчувствовал, оставил охрану, но йог говорил, что кроме наших, никто к автобусу не подходил. Мы остались без средств передвижения, а в пустыне транспорт – это всё. Нам не на чем было перевозить пробы, и мы начали выбиваться из графика передвижения. Мобильная связь в пустыне работает с перебоями, сама пустыня, с помощью ветра и песка, создаёт статические заряды, которые, временами превращаются в земляные молнии, уходящие голубыми стрелами в небо. – Красиво, но неправильно – сказал Проводник. Эти заряды создавали целые букеты помех для работы мобильной связи, но горбун всё же нашёл окно, и связался с руководством. Прилетел вертолёт с последними ценными указаниями, забрал последние пробы с подробнейшим отчётом о проделанной работе. Этим занимался Проводник. Нам пообещали два джипа, и немного изменили график передвижения по маршруту, мы вольны были сами выбирать время переноса лагеря. Пока мы ждали обещанной техники, Проводник нашёл нам работу, по специальности. Девочки, при взятии проб из реки, нашли подземные хода, ведущие в лавру. Они были частично обрушены, вот на их исследование и направил нас всех Проводник. Бр – р, чтобы попасть в ход, приходилось нырять, а оттуда на встречу крысы, хоть и водяные ондатры, но всё равно неприятно. На поверхности остался Йог, Проводник и Ума с цыганками. Остальные все, вооружённые шанцевым инструментом, были под землёй. К остальным отнесли меня с заклинателем и с группой поддержки из двух девочек-цыганок, которые с удивлением узнали, что в лопате, кроме черенка есть ещё лоток и что само это чудо техники, предназначено для копания земли, типа, ручного экскаватора. Группа поддержки нас вдохновляла на труд, показывая где копать и подсвечивала наш путь фонарями. Иногда были обвалы, не без того. Всего ходов было три, два вели в монастырь и видимо применялись для тайного перемещения, третий, резко менял направление и под прямым углом, уходил прочь от монастыря. Его предназначение было секретным и непонятным для нас, с этим ходом предстояло ещё разобраться. Мы настолько увлеклись работой, что даже не выходили на поверхность, время от времени сигнализируя, дёргая за канат, что у нас всё в порядке. Мы даже нашли место чтобы пообедать под землёй, спасибо нашим запасливым красавицам. На поверхность выбрались ближе к вечеру, когда начали барахлить фонари из-за разряженных аккумуляторов. Сразу бросилось в глаза, что лагерь был разрушен, как-то неестественно лежал Проводник, истекая кровью, только кровь была жёлтого цвета. Перед центральной палаткой лежал раненый йог, его конечности были обожжены и покрыты кровяными волдырями. Я сразу определил по цвету повреждения, ожог был термическим, не химическим. Как будто два огромных утюга прошли по обеим ногам парня. Йог в этот момент находился либо в нирване, либо без сознания, но и в том,

и в другом случае, слишком далеко от лагеря. Ему пытались помочь две цыганки, накладывая повязки с тампонами, пропитанными анти-ожоговой мазью. Йог чудом остался жив, благодаря своим способностям. Ума сидела задумчиво над трупом Проводника. Железная женщина – не слезинки, не следов жалости. Я подошёл к ней: – Что с ним? – Сдох гад. Проводник был пятой жертвой после осла. – А, отчего он умер? – Я убила его, когда он напал на йога. Я не знал, что сказать, эта шайтанкыз, так хладнокровно призналась в убийстве товарища, что у меня под ложечкой появился неприятный холодок. Я знал, что они недолюбливают друг друга, но не до такой степени! Вдруг полог палатки отодвинулся и из неё вышел второй горбун, наши цыганки заверещали на появление живого «трупа». Да и мне было не по себе. Я опять обратился к Уме, показывая на труп: – Это кто? – Это чужой, – ответил за Уму, появившийся горбун. И только тогда я обратил внимание на то, как деформируется тело покойного, медленно превращаясь в бесформенную массу. Ума продолжала наблюдать, это был первый труп чужого, наконец мы увидели лицо врага. Этот чужой был похож на одну из церковных аппликаций – с изображением стражей апокалипсиса. Ума, как подсмотрела мои мысли, – да похож, урод! Через несколько минут на площадку, перед лагерем сел вертолёт, подняв в воздух кучу пыли и сделав лагерь, на мгновение, невидимым. Из вертолёта выпрыгнули какие-то люди, и быстро и оперативно погрузили пострадавшего и упаковали труп чужого в холодильную камеру. Ума передала лётчику отчёт с фотографиями. И минут через десять, перед лагерем никого не было: ни вертолёта, ни чужого, ни йога. – Ещё один минус подумал я. Заклинатель с горбуном закрепляли поваленные палатки, им помогали цыганки, а Ума сидела на корточках, в прежнем положении, вглядываясь пристально в то место, где лежал труп. Всё – так неприятно убивать любое существо, если даже оно – чужой. Проводник подошёл и положил руку на её плечо, чтобы, хоть как, отвлечь её от дурных мыслей, и чтобы она почувствовала поддержку товарища. – Это трансформеры, они прошли из параллельного мира, я на полсекунды разминутся с ними, они появились сразу же, после моего пропадания, все трое, скопировав наши образы. Теперь стало понятно многое из архивных свидетельств, и кто и как убил нашего осла. Я предполагаю, что и девочек цыганок легко удалось пленить этим нелюдям, подменив настоящих археологов. До чего же отвратительные создания, они легко могли принять форму любого животного, с подходящей массой подкраситься и внедриться в любой коллектив. Мы с Проводником придумали систему тайных сигналов, чтобы определять: свой-чужой и обговорили их в коллективе. Ума предложила сигналы менять в течение дня, трансформеры, тоже не дураки, поймут, что к чему. В один день нам удалось убить двух Ум и одного араба палестинца, слишком он странным нам показался. Слава богу, труп начал деформироваться, мы не ошиблись, и никого не упустили из трансформеров. Никто не ушёл в своё измерение. Лётчик из вертушки приветствовал нас, как старых знакомых. А нас осталось, включая женщин, восемь человек. Начинаю пересчитывать – 7, блин, ещё раз: я, горбун, заклинитель четыре цыганки. Кого-то опять не досчитываюсь, кто-то постоянно пропадает, не хочет вписываться в команду. За палаткой раздались два ружейных выстрела. У нас ружей не было, из всего стреляющего, был арбалет и тот в рюкзаке йога. Я выскочил из палатки, все наши уже собрались перед двумя свежими трупами, вокруг гарцевали на горячих лошадях арабы из ближайшего посёлка. На земле лежали две Умы, что-то трансформеры повторяться стали. Наша пропажа сидела в стороне и наблюдала издали за взбудораженной толпой. Для арабов она была невидима. Меня всегда поражал имидж Умы, она в любом положении выглядела так, как будто её это не касалось. Арабы приблизились ко мне, по их словам, я понял, что шайтанкыз убила несколько человек в поселении, выпив их кровь, они устроили охоту на ведьму и убили пять шайтанкыз. – Значит в посёлке ещё три трансформера, – подумал я. Кто-то из арабов заметил преобразование трупов, рядом с которыми появилось несколько Ум. Ружейные и винтовочные выстрелы не привели к результату, заряды ушли в землю, не причинив вреда никому. Умы улыбались и старались приблизиться к всадникам, лошади фыркали и пятились прочь. Наконец воинственная толпа не выдержала пси-

хической атаки мёртвых ведьм. У настоящей Умы хватило ума, не преследовать напуганных до безумия людей. Посёлок арабов собрался в считанные секунды, и вскоре мы могли узреть, только столбы пыли на фоне красного вечернего песка пустыни. В этот день, как никогда, был кровавый закат. Казалось, солнце, завершает начатое ведьмой, размазав людскую кровь по всему небу. В этот день мы так и не смогли связаться с базой. Ума не спешила завязывать с отчётом, наблюдая за изменением трупов. Ближе к ночи ложные ведьмы превратились в бесформенную желтоватую массу, а потом резко пропали, само ликвидировались или их обратно затянуло в свой мир, никто не знал. Только утром проводник сказал, что вход в параллельный мир чужих запечатан с их стороны, а с нашей, горбун оставил метки, понятные только ему. Эта новость дала возможность спокойно делать работу, не беспокоясь за вторжения, и дала пищу для раздумий иномирянам. Проводник сомневался, что смерти чужих успокоят агрессивность этих созданий. Столько лет бесконтрольного господства в чужом мире, где Земля воспринималась ими как без лимитный пищевой придаток, оставили свой след в сознании хищников и им тяжело будет смириться, что пища убивает хозяев. – Это всего лишь передышка – говорил нам Проводник, не давая успокаиваться. Всё осталось, как прежде: и караулы, и тайная сигнализация, Проводник ежедневно проверял свои метки на предполагаемых входах в чужие миры. Наконец, мобильная связь успокоилась от помех, прилетел вертолёт и забрал Проводника на базу. – Ещё минус один, – подумал я. Нашими исследованиями в зоне Лавры преподобного Саввы Освященного продолжила командовать Ума. Она по утрам раздавала наряды, забравшись на бочонок из – под маслины, и как кукла из трупы театра Карабаса-Барабаса, размахивала руками и тонким детским голосом раздавала приказы этим солидным дядькам и тёткам, больше похожим на бандитов, чем на учёных археологов. Нас осталось семеро, местных нанимать было запрещено, во избежание утечки информации, хотя иногда крутился кто-нибудь из монахов и можно было видеть блеск от линз бинокля, особенно на фоне заката вечернего солнца. Трёх Ума оставила наверху, а остальных под землю. Девочки иногда чередовались, а мы с заклинателем были определены почётными землекопами, у нас даже лопаты свои именные были. Земля Иудейской пустыни в своём составе имела множество кальциевых отложений. Это указывало на то, что когда-то на этом месте было сплошное море, и рыхлая на поверхности, перемешанная с песком суглинком и мелкими камнями, в глубине она превращалась в сплошной монолит, можно считать, что эти скрытые от постороннего глаза хода, вырублены усердными монахами, за века существования лавры, в сплошном песчанике. Обвалов можно было не опасаться, хода были, почти что, чистые, без средневековых хитростей и ловушек. Туннели были прорыты, чтобы спасти людей, а не прятать какие-нибудь тайные сокровища. Мы дошли почти до сердца монастыря, до кирпичных стен, перекрывающих выход из туннелей, мы вышли на уровень подвалов лавры, на этом наше исследование. в этом направлении, было прекращено. Кто знает? Может обстановка в мусульманском мире стала терпимей и спокойнее, но туннелями перестали пользоваться давно, я даже сомневаюсь, что они есть в плане лавры. Мы исследовали оба туннеля, но ничего не нашли, не одного артефакта. На сегодняшний день мы закончили свою работу, вынырнув из реки Иордан и перепугав, отдыхающих на берегу крыс. Оставив исследование третьего туннеля на десерт. Мы даже не могли предположить, где он начинался и с какой целью был выкопан вдали от монастыря. Я не знал, что писать в отчётах о работе за эти три дня. Проиграл, как и вся команда. Мы были похожи не на археологов, а, на побитых историей сталкеров, на чёрных копателей, погнавшихся за блеском металла. Маленький фюрер, стояла на бочке и отчитывала нас за все допущенные ошибки. Ей не верилось, что мы под землёй ничего не смогли найти. Она решила устроить нам ведомственный аудит: сама нырнула в Иордан, приняв крещение среди ондатр, и прошла по обеим нашим маршрутам вместе с одной из отдохнувших цыганок. Ума появилась поздно вечером с обломком наконечника копья со странными заточками. Копьё напоминало мне ключ от моей московской квартиры, такой же острый и с такими же хитрыми бороздками. Я был близок к разгадке. Второй наход-

кой Умы был зелёный окисленный до основания, медный паук, применяемый египтянами в качестве замка на зерновых складах и в других местах. Рабов египтяне никогда не замыкали, а зачем? Ошейник раба прочно определял его социальный статус, на всей территории этой страны, раб был вне закона, и убийство раба не являлось преступлением. Третья находка Умы была очень неожиданной для нас, конечные кирпичные кладки обеих туннелей были выполнены качественным немецким кирпичом 1939 года выпуска. Заклинателю надоели выговоры ведьмы за невнимательность: – А, я что? Могу копать, могу не копать! Мне некогда смотреть. Ума осуждающе посмотрела на своего напарника, но было решено, не спешить с выводами, а перепроверять каждую работу. Эта неделя прошла спокойно без войн и пришельцев, в субботу появился Проводник с двумя джипами и двумя добавившимися, временными членами экспедиции, оба числились водителями и перегоняли машины до лагеря. Джипы были напичканы какой-то аппаратурой и стальными клетками, Проводник их называл мышеловками для пришельцев. К их монтажу нас не привлекали, всё сделал горбун с цыганками, этот раз, даже Ума осталась в стороне, весь монтаж был выполнен на указанных проводником выходах из чужих миров, и всё было сделано в режиме предельной секретности, мы даже не знали где установлены эти клетки. А нам оно надо? – Наше дело – лопата, говорил заклинатель. Мы, всем составом были брошены под землю, на исследование третьего загадочного туннеля. Мы – это я с заклинателем, под руководством Умы. Третий туннель выходил из воды, в отдалении от первоначальных двух и тянулся параллельно стенам лавры, он имел почти идеальную круглую форму, с отшлифованными до блеска стенами, отражающими блики фонарей. Мне этот туннель напоминал подземку московского метро, она тоже наполнена блеском неоновых огней. Ума шла сзади нас с фонарём и наши тени вытягивались и плясали в такт её мелким шажкам. Туннель нас привёл в пещеру, это был огромный подземный грот, посреди которого было возвышение из твёрдой скальной породы, с вырубленным тронем, от которого, без преувеличения, были натянуты многотонные корабельные цепи, своими якорями, уходящие глубоко под землю. Я даже близко не мог предположить из какого металла и на каких заводах изготовлены эти цепи, и какую цель преследовали те люди, которые задумали и воплотили в жизнь эту странную фантастическую конструкцию вдалеке от цивилизованного мира, спрятав её глубоко под землёй. – Металл заводов Крупа – сделала заключение Ума, по найденному штампу, в виде свастики, на одном из звеньев цепи. Металл не поддавался коррозии и отливал голубизной, был действительно, отменного качества, свойственного немецкой стали. Но зачем это было им нужно? Мы исследовали каждый сантиметр пещеры, но не нашли ничего, дающего объяснение этому сооружению. – Но если есть кресло, значит есть кому на нём сидеть! Ума предложила установить видеорегистратор на шесть кадров в сутки, без всякой уверенности, наобум. А вдруг? И надо было двигаться дальше, пещера была не конец нашего пути, скорее развилка. От пещеры уходили четыре хода, все они вели в разные направления. Мы выбрали тот, что поворачивал в сторону монастыря. Всё, что связано с монастырём было привычней, интуитивно, даже под землёй, мы тянулись к людям, ища у них защиту, спокойствие, помощь в решении запутанных задач истории. Этот туннель привёл нас в середину лавры, на площадь. Он заканчивался в стенах колодца, внутри которого была выложена спиральная лестница, с закрытым на замок выходным люком. По конфигурации входного отверстия под ключ, оно было похоже на трехгранный наконечник копья, ранее найденного Умой. А что? Надо попробовать! Мы всё равно, не теряли ничего, надо было проверить всё, чтобы хоть немного вырисовалась картина использования этого подземелья. Ума отвергла наш план выбраться на поверхность любым путём и проследовать в лагерь археологов из лавры. Пришлось принимать крещение опять, но, слава богу, на сегодня, рабочий день был окончен. В лагере нас ждал сюрприз: прилетал вертолёт, забрал иномирянина (как, потом оказалось, двух) и привёз почту. Первое промелькнуло мимо лётчика, до нас даже не дошло это событие, мы так привыкли к появлению этих иномирян, что восприняли, как должное на фоне второго известия. Одна из цыганок мне дала два письма

– от сына и жены. Даже странно во времена мобильной связи и интернета, мы как дети, радовались письмам, написанным авторучкой, корявыми почерками. Я почти стал забывать, как пишутся прописные буквы. Роза писала, что у неё всё хорошо, она сейчас в Москве, и в Чернобыль пока не собирается, увлечена написанием какой-то научной работы по экологии зон. У жены всегда всё хорошо, когда мужа дома нет. Сын написал из Санкт-Петербурга, он для себя выбрал совсем не семейную специальность – не какой экзотики, с авантюрой. Сын поступил в академию железнодорожного транспорта, будущий железнодорожник, блин! У сына тоже всё было в порядке, он как всегда, просил немного на чай. Письма – так, не о чём, но пахли домом. Проводник улетел на базу, сработала одна из ловушек и проводника забрали для проведения контакта. Он, оказывается был специалистом по контактам с иноземными цивилизациями, это вам не хухры-мухры с привидениями и мутантами, типа лысых чернобыльских ёжиков. Я попытался спросить, какой он этот иномирянин, похож на предыдущих, или как? – Осёл, как осёл, и орёт как ишак, совсем на Уму не похож. Я не понял: – Так что? Нам из параллельного мира осла прислали? Ума рассмеялась: – Золотого осла из греческой античной классики. – И ради этого осла горбатый уехал на базу? Что только не придумают, лишь бы не работать! Ума сделала вид, что всё, что творится в лагере, её не касается, а я перестал пересчитывать членов экспедиции, иначе, в присутствии заклинателя их получалось – восемь с половиной, и один осёл, который улетел на базу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.